

Шисань Цюэ в этот момент с загадочным видом выплыл наружу и, с жутко спокойной интонацией, спросил её:

— Ты всё ещё хочешь флиртовать со сладким пирожком?

Шисань Цюэ: Ты всё ещё хочешь флиртовать с Су Лянем?

Хэхуань (скорбно): ...Хочу!

Шисань Цюэ:

Хэхуань: Умрешь под пионом — и на том свете жизнь хороша.

Шисань Цюэ: Ты рано или поздно из-за мужиков помрёшь!

Хэхуань: Вообще-то, я всё ещё хочу попробовать стиль запертой комнаты, мало ли... хи-хи-хи (улыбка постепенно становится безумной).

Шисань Цюэ: Да сдохни ты из-за мужиков, и не возвращайся больше!

Хэхуань настроение имела претяжелое, отвечать ему не стала, да и желания любоваться красотами Императорского сада больше не было. Напрямик направившись в свои покои принцессы, она даже ужинать в тот вечер не стала.

Глубокой ночью Ляньчэн Май вернулся во дворец и, заметив, что она не ужинала, расспросил о её трапезе. Однако, к пущей странности, он не показал ни малейших признаков каких-либо отклонений. Лишь на следующий день Хэхуань обнаружила, что прислуживавшую ей служанку снова сменили.

Утром, поднявшись и собираясь умываться, она озадаченно спросила:

— Эй, а где Сяо Цуй?

Ляньчэн Май протянул из полога руки, притянув её в свои объятия, и взмахом руки отослал прислуживавших поблизости служанок.

— Она тебе нравится?

Он прикусил мочку уха Хэхуань, и в его голосе, казалось, ещё таилась улыбка.

Хэхуань лишь почувствовала, как ушную раковину покало током, а сердечко сладко ёкнуло. Она с некоторым смущением потерлась о его грудь, после чего повернулась и зарылась лицом в его объятия.

— Сяо Цуй очень хорошо прислуживала, да и лицом вышла. Это ты её заменил?

— Нет.

Ляньчэн Май с улыбкой опустил голову, коснулся губами её губ, а ладонь опустил на основание её позвоночника, то легонько поглаживая, то замирая, и в голосе его проступало весеннее, цветущее тепло.

— Прошлой ночью у неё начался приступ безумия, она сама бросилась в озеро в Императорском саду и утонула.

Хэхуань молча смотрела на него, испытывая сложную гамму чувств.

Ей всё сильнее казалось, что Ляньчэн Май даже не утруждает себя тем, чтобы притворно её обманывать.

— Скажи, он меня больше не любит?

Уныло спросила Хэхуань у Шисань Цюэ.

— Ты всё усложняешь, — невозмутимо ответил Шисань Цюэ. — Ты — девица-психопатка, для которой убить человека и избавиться от трупа — сущие пустяки. Неужели ты думаешь, что в глазах Ляньчэн Май ты выглядишь наивной дурочкой? Он просто хочет дать тебе понять: всё, что тебе нравится, помимо него, должно умереть. Ты всё ещё хочешь флиртовать с Су Лянем?

Шисань Цюэ снова задал свой недавний вопрос.

— Хочу!

Сжав зубы, упрямо заявила Хэхуань:

— Нечего и жить было, коль не познал лихого ветра!

Шисань Цюэ некоторое время молчал, а затем беспристрастно изрёк:

— Ну так сдохни же из-за мужиков.

После чего он спешно отключил экран наблюдения и, как Хэхуань ни звала его, больше не отзывался.

— Тц, неужели в наше время даже у уродцев такие скверные характеры?

Хэхуань немного подумала и махнула на это рукой, потому что Ляньчэн Май уже увлёк её обратно на постель, навалившись сверху.

До чего же всё это надоело.

Целыми днями только и делает, что флиртует, а до дела так и не доходит. Хэхуань казалось, что от эдакого воздержания она когда-нибудь заработает себе болезнь.

Тем не менее, прижав её к постели, Ляньчэн Май не делал больше ничего: лишь слегка прищутив глаза, он шарил ладонью по её шее и легонько поглаживал кожу.

Прикусив её ухо, он спросил:

— О ком на этот раз вспомнила А-ань?

— Ни о ком.

Хэхуань невинно улыбнулась, изогнув губы в угодливой гримасе.

— Я каждый день думаю только о тебе.

— Лгунья.

Он тихонько засмеялся, рука, ласкавшая её шею, скользнула ниже, и его пальцы мазнули по её

коже, оставляя легкий холодок.

Ляньчэн Май нежно прикусил её мягкую щеку и разок лизнул, а затем под удивлённым взглядом широко распахнутых глаз Хэхуань свирепо впился зубами в её горло.

Впрочем, он не давил по-настоящему, лишь угрожающе поскрипывал зубками, после чего приподнял голову и, глядя на неё сверху вниз, произнёс:

— Моя маленькая принцесса — и впрямь лгунья от мозга до костей. Разве в тот день, когда я целовал тебя, ты не глядела на Су Ляня?

Хэхуань плотно сжала губы и молчала. Выдержав с полминуты его свирепый взгляд, она просто зажмурилась, полностью превратившись в страуса — раз не видит ничего, значит, и нет ничего.

— То говоришь, что любишь только меня, то обещаешь вечно пытать ко мне такой же страстью... Ах, А-ань и впрямь ребенок со сладким языком, мастачка плести небылицы, лишь бы ублажить меня, а под конец каждый день зыркает на других влюбленными глазами.

Опасный взгляд Ляньчэн Мая скользнул по её лицу, бровям и глазам, коснулся губ. Нащупав её тонкое запястье, он крепко обхватил его и принялся целовать пальцы. Медленно и изящно улыбаясь, он заговорил голосом нежным и жутковатым:

— Впрочем, неважно. Я подожду, пока ты разрушишь мои последние надежды, а затем я обрублю тебе крылья, переломая твои тонкие запястья и прикую твои ноги самыми прочными железными цепями, чтобы ты никогда больше не смогла предать своё обещание.

Говоря это, он вновь издал из глубины горла тихий смешок, вид у него был донельзя предвкушающий. Хэхуань закусила нижнюю губу и крепко зажмурилась, её длинные ресцы непрерывно дрожали, отбрасывая на лицо хрупкие тени, а выражение лица и движения выдавали взволнованное состояние хозяйки.

Хотя Шисань Цюэ выключил экран наблюдения, в этот момент Хэхуань насильно, волевым усилием включила его обратно и с визгом завопила:

— А-а-а-а, мне кажется, он приглашает меня заняться кое-чем невыразимым, что делать, он меня соблазняет! Он играет не по правилам, а-а-а-а!

Шисань Цюэ:

—

— Ха.

Он холодно усмехнулся и снова выключил экран наблюдения.

Хэхуань уже собиралась снова принудительно его включить, но Ляньчэн Май опередил её: он снова взял её за крошечный подбородок и глубоко поцеловал.

Стоило такому бурному энтузиазму проявиться ранним утром, как Хэхуань подумала, что это поистине сладкое, но в то же время хлопотное бремя.

После всех нежностей большая часть утреннего времени уже прошла. Ляньчэн Май не стал звать стоявших за дверью служанок, а сам умыл ей лицо, помог прополоскать рот, аккуратно

одел, а затем подхватил на руки, прижал к груди и вынес на улицу завтракать.

Хэхуань, с одной стороны, тонула в подобной заботе со стороны красавца-мужчины, а с другой — глубоко чувствовала, что так продолжаться не должно, поэтому завтракала в крайне противоречивых чувствах.

Но сегодня всё было иначе: покончив с завтраком, Ляньчэн Май не опустил Хэхуань на пол, а сразу же вытер ей рот и руки, помог прополоскать рот, взял на руки и понёс наружу.

Зимняя погода становилась всё холоднее: снег ещё не выпал, но, судя по всему, это должно было случиться со дня на день. Ляньчэн Май казался довольно хрупким на вид, однако обладал немалой силой — нёс Хэхуань очень уверенно, а ещё закутал её с головы до ног в плащ с оторочкой из кроличьего меха, укутав наглухо, так что она превратилась в пушистый комочек, прижатый к его груди.

Хэхуань одурманенно опиралась на его плечо, смутно ощущая, что его манера держать её выглядит как-то странно. Поразмыслив немного, она мысленно выругалась: да это же, чёрт побери, поза, в которой держат кроликов!

Маленькая принцесса, конечно, была юна, но по меркам этой эпохи она уже прошла через церемонию совершеннолетия и считалась взрослой, между прочим! Почему её нужно носить в таком положении?!

Хэхуань недовольно повернула голову внутри капюшона плаща. Её руки и ноги были опутаны пушистым белым мехом и не могли пошевелиться, поэтому она лишь поджала губы и сурово посмотрела на Ляньчэн Май, собираясь сказать ему, что так носить её нельзя — она ведь женщина, и её следует носить на руках. Однако Ляньчэн Май, ровно и уверенно шагая вперед, слегка склонил голову и посмотрел на нее. Его чуть удлинённые глаза нежно изогнулись, а алые губы коснулись ее щеки. От всего его лица исходило тепло, напоминающее цветущие персиковые деревья на весенних дорогах в марте.

Хэхуань на мгновение замерла, ослепленная его невероятной красотой. Поразмыслив немного, она с прискорбной слабохарактерностью снова прижалась к плечу Ляньчэн Мая.

Ладно, была не была. Раз он такой красивый, пусть себе таскает этого кролика.

Если бы Шисань Цюэ сейчас это видел, то, пожалуй, захотел бы прибить ее молотом. В конце концов, он еще никогда не встречал настолько падкого на внешность человека.

Одурманенная прекрасной внешностью, Хэхуань больше не выказывала никаких возражений и лишь покорно прижалась к его плечу, пока он нес ее в какое-то неизвестное место.

Пройдя около четверти часа, Ляньчэн Май внес ее в какой-то дворец.

Навстречу свету накатила прохлада полумрака. Хэхуань открыла глаза и, вытянув шею с его плеча, огляделась по сторонам.

В не самом просторном помещении стояли четыре или пять человек, а еще один сидел. Хэхуань была с ними мало знакома, однако, судя по убранству комнаты, раньше это был кабинет императора государства Сюньян.

Занимаясь разгребанием остаточных дел, они часто временно использовали эту комнату — к тому же здесь были и бумага, и тушь, и кисти, и чернильницы, что было весьма удобно. Однако Хэхуань понятия не имела, зачем он привел её сюда. Она ведь отроду не вмешивалась в дела, которые Ляньчэн Май вёл против государства Сюньян.

Она приоткрыла рот, собираясь заговорить, как вдруг увидела, что человек, сидевший на самом возвышении в кабинете, поднял голову. Перед ними открылось горделивое, подобное божеству лицо, а его прохладный взгляд внезапно отливало каким-то странным, причудливым блеском. Он слегка приподнял брови, выказывая необыкновение к тому, что Хэхуань находилась в объятиях Ляньчэн Мая.

Слова, которые Хэхуань собиралась произнести, вмиг застряли у неё в горле.

Чего добивался Ляньчэн Май? Зачем он специально притащил её повидаться с этим милашкой? Хэхуань была уверена, что эта маленькая нечисть вовсе не обладала столь добрым нравом.

И действительно, Ляньчэн Май уселся вместе с ней в кабинете, прижав к себе и ласково поглаживая по спине, после чего неторопливо спросил:

— Разве Су Лянь не хорош собой?

Хэхуань плотно сжала губы, а в следующий момент и вовсе закрыла их ладонью.

Это был чёртов вопрос на выживание.

Куда более жестокий, чем классическое «кого ты спасешь первым, если я и твоя мама упадем в реку?».

Она ведь просто хотела спокойно закрутить роман и полюбоваться на красивых людей, в чём она была виновата? За что с ней так поступают? Ляньчэн Май отнял её руку, закрывавшую рот, подушечками пальцев нежно огладил её губы, а его голос прозвучал ровно и с лаской:

— Разве Ань-ань не любит смотреть на него? Он сейчас здесь, почему же ты не смотришь?

Хэхуань с обиженным видом убрала руку и, кривясь, произвела:

— А-Май, какой же ты противный.

— Я противный?

Ляньчэн Май придвинулся к её лицу, легко чмокнул в губы, и его голос понизился:

— Ещё пару дней назад ты говорила, что любишь меня больше всех, а теперь я тебе противен?

Хэхуань уже не понимала, в каком ключе следует общаться с этим маленьким демоном.

В этот момент неизвестно откуда вновь вынырнул Шисань Цюэ и легкомысленно протянул:

— Видишь? Впредь поменьше соблазняй всяких парней, а то в один прекрасный день неровен час соблазнишь какого-нибудь психопата.

— Нет, — с серьезным видом возразила Хэхуань. — Полагаю, проблема в том, как именно я к нему отношусь. С мягкими людьми, конечно, нужно вести себя мягко, но вот с трудными детьми следует поступать сурово: как следует отлупить, и всё сразу встанет на свои места.

Она подняла взгляд и нахмурилась, глядя на безупречное, словно созданное самой природой прекрасное лицо Ляньчэн Мая.

Её взгляд споткнулся, и боевой дух снова испарился.

— Ни за что, я не смогу вести себя жестоко с таким красивым мужчиной, это противоречит моим принципам.

С мученическим выражением она закрыла глаза, вновь вспомнив о призрачной шкале благосклонности, и наконец тяжело вздохнула, бросив невпопад:

— Регент и впрямь невероятно хорош собой.

Шисань Цюэ: «!!!»

Разве жизнь не прекрасна, зачем же искать смерти?

Возможно, поначалу Ляньчэн Май не был так уж зол — в конце концов, он понятия не имел, что Су Лянь был сладеньким пирожком Хэхуань. Ему просто не нравилось, что временами она уделяла Су Ляню слишком много внимания, и он хотел дожидаться, пока Хэхуань сама признает свою вину, заявит, что больше всех любит его и что красивее него никого нет.

Но результат превзошел все ожидания.

Улыбка на его лице окончательно исчезла, воцарилось леденящее предчувствие бури, однако движения оставались нежными: он приподнял её крошечный подбородок и чеканно произнес:

— Что сейчас сказала Ань-ань?

Как бы Хэхуань ни млела перед красивыми лицами, в конце концов, она была могущественной особой, наводившей ужас долгие годы. Раз уж слова слетели с её губ, неужели она станет сдавать назад?

Помассировав переносицу, она спокойно ответила:

— Я сказала, что Су Лянь хорош собой. Хочешь, чтобы я тебе лгала, или чтобы повторила правду прямо сейчас?

Некоторые вещи нельзя озвучивать до конца, ведь стоит сорвать покровы, и всё станет слишком жестоко.

Ляньчэн Май не ответил. Подняв темные глаза, он посмотрел на Су Ляня, сидевшего во главе кабинета. Тот встретил его взгляд с абсолютно невозмутимым выражением лица, словно вовсе не слышал только что сказанных Хэуань слов и не догадывался, что их конфликт вспыхнул из-за него.

Спустя мгновение Ляньчэн Май с улыбкой произвел:

— Отлично.

Он подхватил Хэуань на руки и зашагал прочь.

Изначально этот день планировался для переговоров с государством Пуси, представителем которого выступал Су Лянь, касательно раздела территории государства Сюньян. Однако теперь Ляньчэн Май уходил без малейших колебаний. Су Лянь чинно восседал на возвышении, молча глядя, как они входят, и так же молча провожая их взглядом на выход. За всё время он не обронил ни единого слова и не попытался их остановить. Лишь когда они скрылись, уголки его губ едва заметно дрогнули в благородной и холодной улыбке.

Когда Хэуань выносили на руках, Шисань Цюэ тихонько бросил всего два слова:

— Быть беде.

Однако Хэуань пропустила его слова мимо ушей и никак на них не отреагировала, лишь холодно приказала:

— Отключи свой экран наблюдения, у нас тут будет контент не для детей, сегодня не появляйся.

Шисань Цюэ: «.....»

Ха-ха, женщины.

Хмыкнув, он отключил экран наблюдения Пространства злодеев.

Глубоко вздохнув про себя, Хэуань принялась отчаянно вырываться из объятий Ляньчэн Мая.

— Отпусти меня!

Ляньчэн Май остался глух к ее протестам. Продолжая идти, он крепко прижимал её к себе и лишь бесстрастно произнес:

— Не прошло и месяца, а Ань-ань уже переметнулась к другому? Что ты говорила тогда? Ты заявляла, что готова пожертвовать ради меня жизнью, неужели теперь ты готова отдать жизнь и за Су Ляня?

Мысленно Хэуань подумала, что вообще-то так оно и есть, но вслух этого не произнесла, лишь изобразив на лице легкое утомление.

— Ляньчэн Май, — впервые за всё время она назвала его по имени и фамилии.

— Разве ты не знаешь, какой я человек? Когда я любила тебя, я, разумеется, была готова отдать за тебя жизнь, но что сделал ты? Ты пожелал лишить меня свободы? Стоило мне перекинуться парами слов с собственной служанкой, как ты убил её, за спиной у меня уничтожил государство Сюньян и, не моргнув глазом, снес голову моего брата. Если я

способна любить тебя, почему не могу полюбить Су Ляня?

Ляньчэн Май остановился.

Хэхуань быстренько собрала лицо в нужную маской, изобразив спокойную и даже несколько безжалостную улыбку, готовясь встретить грядущую сцену с жестоким домашним насилием.

Но к её удивлению, Ляньчэн Май не стал применять к ней силу. Он просто молча стоял, пока со всех сторон дул ветер, принося с собой легкий холод. Хэхуань стоило лишь на мгновение обнажить шею, как она тут же зябко ёжилась.

Он запахнул её плащ поплотнее, внезапно прижал к груди и тихо спросил:

— Ты поступаешь так потому, что я уничтожил Сюньян? Потому что я убил твоего брата? И поэтому ты ненавидишь меня?

Хэхуань, чьё лицо было прижато к его груди и не позволяло поднять голову, широко распахнула глаза от изумления.

Она имела в виду совсем другое — хватит забивать голову ерундой, действуй смело и бей в лоб! Кого вообще, чёрт побери, волнует этот братец-дармоед? Как же Ляньчэн Май, будучи великим и отменным владыкой, может обладать столь нулевым пониманием ситуации?

Хэхуань до смерти раздражалась: неужели обязательно требовалось говорить прямым текстом: не робей, нападай в лоб? Неужели нельзя оставить ей хоть капельку женской гордости?

Закусив губу и уткнувшись лицом в грудь Ляньчэн Мая, Хэхуань немного подумала и наконец заговорила снова:

— У меня нет особых чувств к Байли Са, но из-за твоего поведения я чувствую себя абсолютно несвободной, я...

— Я понял.

Спокойный голос Ляньчэн Мая прервал её недосказанную речь. Он снова зашагал вперед, продолжая прижимать её к себе.

Хэхуань с застывшим выражением лица уткнулась щекой в его грудь и озадаченно моргнула, не понимая, что именно понял Ляньчэн Май? Она ведь, кажется, ещё ничего толком не объяснила?

— Раз уж тебе этого хочется, я дам тебе это.

Шагая вперед, он говорил ровным голосом, и от его слов глаза Хэхуань ярко засияли.

Маленький демон наконец-то сообразил, чего она добивалась! Да-да-да, именно об этом она и толковала! Переспим сегодня же! Устроим всё прямо сейчас!

На душе у Хэхуань сразу стало в несколько раз веселее, да и выражение лица потеплело. Обхватив руками его шею, она прижалась губами к его уху и с некоторой долей пристойности произнесла:

— Я хочу прямо сегодня вечером.

— Хорошо, — тут же согласился Ляньчэн Май. Повернув голову, он поцеловал её в щеку и добавил: — Но получив это, ты останешься со мной навсегда. Если ты еще хоть раз посмеешь заикнуться о том, что любишь Су Ляня, я сорву с него кожу, вырву глаза, скорплю его труп собакам, и посмотрю, как ты будешь любить его после этого.

Хэхуань, мысленно оплакивая судьбу сладенького пирожка, сбивчиво закивала:

— Угу, угу.

В тот же вечер Ляньчэн Май передал ей императорскую печать государства Сюньян. Прижав её к груди, он тихо произнес:

— Ту половину, что забрал Су Лянь, я рано или поздно отобью обратно. С сегодняшнего дня ты — новая императрица государства Сюньян.

С бесстрастным выражением лица обнимая ледяную императорскую печать, Хэхуань мысленно послала на хуй миллион крабов-даньци.

Каким вообще образом Ляньчэн Май умудрился истолковать её слова настолько прямолинейно? Неужели всё дело в том, что лицо маленькой принцессы выглядит столь аскетично и целомудренно?

Ночь выдалась бессонной.

Проснувшись на следующий день, Шисань Цюэ вновь включил экран наблюдения и вместо сияющей довольством Хэхуань увидел сплошной мрак на её лице.

Он до смерти испугался, не веря, что всего за одну ночь его хозяйка могла дойти до такого состояния. Неужели у Ляньчэн Мая какой-то дьявольский дар? Или он практиковал вампиризм на иньской энергии?

— Шисань Цюэ, — равнодушно позвала она звонким и леденящим голосом.

— Я решила: сегодня либо я сойду с ума, либо Ляньчэн Май рехнется окончательно.

Шисань Цюэ растерянно моргнул, какое-то время всматривался в её лицо, так и не обнаружив ничего особенного, и наконец спросил:

— Что вчера произошло? Ляньчэн Май подурнел, или ты выяснила, что мало того, что у него нет пресса из восьми кубиков, так он еще и импотент?

— Всё гораздо хуже! — в гневе выпалила Хэхуань. — Он сказал, что даст мне это, и подсунул такую херню!

Печать со стуком грохнулась на пол, от изящной резьбы откололся кусочек. Услышав шум, в покои торопливо вбежала служанка и, рухнув на колени, испуганно произнесла:

— Ваше Величество, что случилось?

Обслуживающие прислуги от макушки до пят сменили обращение — надо признать, действовал Ляньчэн Май с поразительной скоростью, вот только всё это было совсем не тем, чего добивалась Хэхуань.

Она чувствовала, что сама скоро сойдет с ума от злости.

Холодно глянув на служанку, Хэхуань бросила:

— Вон.

Та не посмела произнести ни слова и даже не смея поднять глаз, быстрыми шагами выскочила из комнаты.

В конце концов Шисань Цюэ неловко кашлянул и принялся утешать её:

— Слушай, а ведь так даже лучше, нет? Лишившись красавчика, ты заполучила целый мир!

— Нахрен мне сдался этот мир! — озлобленно брякнула Хэхуань, ударив ладонью по краю постели. — Да я в лучшие годы за раз могла разнести к чертям восемь царств! Думаешь, как я в свое время подружилась с И Цю? За счет мягкости и кротости? Я просто хочу крутить любовь с любимым парнем! Мало того, что мне не дают понадкусывать сладенький пирожок, так даже этот мелкий демон оказался настолько тугодумом!

Шисань Цюэ прекрасно понимал: если он сейчас рассмеется, его точно сотрут с лица земли, поэтому из последних сил сдержал смех и лишь поддакнул:

— Угу-угу, Ляньчэн Май и впрямь совершенно не умеет ценить добро.

— Да это ты не умеешь ценить добро, — холодно бросила Хэхуань. — Кто разрешал тебе оскорблять моего братишку?

<http://bllate.org/book/21622/2230485>